

Что до празднования Праздника Середины Осени, у Юй Шанчжи сохранились кое-какие воспоминания от прежнего хозяина тела.

Обычаи нынешнего времени почти не отличались от тех, что помнил он: ели юэбины, совершали жертвоприношения предкам, любовались луной. Разве что добавлялся ещё один обычай — сжигать особую «бумагу лунного света». На ней изображали Чанъэ в лунном дворце, Нефритового Зайца, толкущего лекарство, и прочие лунные сюжеты. Бумагу клали вместе с юэбинами в подношение в ночь пятнадцатого числа восьмого месяца, после чего её сжигали, а пироги съедали.

А ярмарка на праздник была старинной традицией: её устраивали возле храма Гуаньинь в посёлке Лянси, и говорили, что храм тот очень уж чудодейственный.

Когда Вэнь-эрню узнала об этом, так обрадовалась, что не могла закрыть рот. На следующий день, встретив Кон Майя, она тут же схватила её за руку:

— Майя, пойдём с нами!

Кон Майя лишь улыбнулась:

— Я, пожалуй, не пойду. Останусь дома с отцом.

Но Вэнь-эрню не отставала, трясла её за руку и уговаривала:

— Мы вернёмся до темноты, это не помешает вам отметить праздник!

Кон Майя прикусила губу и, нарочно делая вид, что всё легко и просто, ответила:

— Всё-таки не пойду. Сейчас похолодало, рядом с отцом всё время кто-то должен быть.

Вэнь-эрню, услышав такой ответ, сразу поняла, что уговорить не получится. Когда Кон Майя ушла, она юркнула в дом и пожаловалась Юй Шанчжи:

— Брат Юй, твоя ученица ужасно упрямая. Я так хотела потянуть её с нами на ярмарку, а она всё равно не согласилась. Такой шанс ведь редкость! Может, ты ещё раз попробуешь её уговорить?

Юй Шанчжи, выслушав, слегка задумался, потом похлопал её по голове и сунул две сахарные лепёшки.

— Возьми, раздели: тебе одна и Майе одна. А если она не хочет, не настаивай. Вернёмся и

привезём ей подарок.

Когда Вэнь-эрню вышла, Вэнь Ецай, сидевший сбоку, заметил, что у мужа лицо полное забот. Он налил из чайника чашку, подвинул к нему и сказал:

— Не принимай слишком близко к сердцу. Майя с детства жила в такой семье, что ей всегда трудно позволить себе играть, веселиться. Не забывай: всего несколько месяцев назад Кон И ведь и жить-то не хотел. Может, Майя боится, что праздник, сама эта полная луна напомнит отцу что-то горькое, вот она и держится рядом.

Юй Шанчжи прекрасно понимал, о чём речь. Пятнадцатая ночь восьмого месяца — луна в зените, семьи собираются вместе. Но что за «собрание» могло быть в доме Кон?

Она не хотела идти вовсе не из-за страха «помешать собственному празднику», а лишь потому, что не хотела нарушить семейное торжество у своего учителя.

— В тот день мы положим для их семьи два юэбина, — сказал Юй Шанчжи.

Вэнь Ецай кивнул: он сам это понимал и без слов мужа.

Затем добавил:

— Не только Эрню ждёт этого дня. Я и сам жду. В последний раз я был на осенней ярмарке в уезде ещё совсем ребёнком. Тогда Санья даже не родился, а Эрню была грудничком на руках.

Тогда ещё были живы Вэнь Юнфу и Цяо Мэй, здоровые, весёлые. И они купили ему первую в жизни палочку засахаренного боярышника.

Юй Шанчжи взял ладонь супруга:

— Раз уж говорят, что храм Гуаньинь очень славится своей силой, и как раз придётся пятнадцатое число, мы тоже поставим палочку благовоний.

Услышав это, Вэнь Ецай смутился, провёл пальцем по носу и признался:

— Вот ты напомнил. Я ведь ещё на Новый год в храме Гуаньинь загадывал желание. По-хорошему, надо бы его вернуть.

А если возвращаешь обет, значит, желание уже сбылось. И Юй Шанчжи с любопытством спросил:

— А какое желание ты загадал?

Вэнь Ецай многозначительно взглянул на него:

— А как думаешь сам?

Тогда перед ликом божества он загадал три желания: первое - чтобы всё шло гладко, второе - чтобы брат и сестра были здоровы, и третье - чтобы встретить достойного спутника жизни.

Так что храм Гуаньинь и вправду оказался очень действенным.

Три дня пролетели незаметно. В пятнадцатый день восьмого месяца вся семья надела новую одежду и с утра пораньше отправилась в Лянси на своей воловьей повозке. Добравшись до городка, они напрямик поехали к храму Гуаньинь. Повозку оставили у человека, который специально присматривал за скотом возле храма, заплатив три монеты, и затем, каждый ведя за руку по одному ребёнку, вошли внутрь.

В храме Гуаньинь дымилось бесчисленное множество благовоний. Дым щекотал горло, и у Вэнь-санья зачесалось в носу. Он закашлялся, прикрыл рот рукавом и широко распахнутыми глазами с интересом разглядывал всё вокруг. У входа продавали палочки благовоний по пять монет за три штуки. Вэнь-санья был ещё слишком мал, поэтому Вэнь Ецай купил только три набора на пятнадцать монет.

В главном зале храма, прямо посередине, возвышалась статуя бодхисаттвы Гуаньинь — она восседала в позе лотоса на каменной подставке с мягким и милосердным выражением лица, взирая сверху на людскую суету.

Для Вэнь-эрню и Вэнь-санья это был первый визит в подобное место, они и дышать лишний раз боялись.

Все четверо заняли свободные подушки для молящихся. Вэнь Ецай, вставив ароматные палочки в курильницу, закрыл глаза и беззвучно шевелил губами, повторяя молитву. Двое детей смотрели на старшего брата и старательно копировали его движения, поклоняясь с удивительной серьёзностью.

Юй Шанчжи едва заметно улыбнулся, тоже взял благовония и медленно поклонился. Он долго не мог решить, что именно попросить у Будды, и в конце концов лишь молил, чтобы все желания его супруга исполнились. А если так и случится, они обязательно придут сюда снова уже с благодарственной жертвой.

Покинув главный зал, семья не поспешила уходить. Они приехали в город достаточно рано, чтобы успеть осмотреть всё вокруг. Уже при входе они слышали, что в храме есть пруд с карпами кои. При желании можно купить корм для рыб и покормить их. Считается, что кои в

храмовом пруду не простые, а священные. Они живут в воде, а вода символизирует богатство. Если поклониться перед ними и бросить корм, то, глядишь, в будущем году ожидают достаток, удача и продвижение по службе.

Раз уж пришли, Юй Шанчжи вынул из своего кошелька три монетки и купил пакетик корма для рыб. Корм был завернут в промасленную бумагу, его оказалось немного — видно, в храме побаивались, что если посетители будут сыпать без меры, то кои попросту переедят. Но корм был мелкий, и щепотки хватало сразу на несколько раз.

Следуя за людским потоком, они дошли до пруда. И тут Юй Шанчжи понял, что даже этого количества оказалось слишком. В пруду плавали карпы - все как один упитанные, здоровые, а главное, сообразительные: вся их «святость» будто ушла на то, чтобы выпрашивать еду. Стоило кому-то приблизиться к ограждению, как рыбы со всех сторон мчались туда, разевая огромные рты, будто голодные младенцы.

Вэнь Ецай поднял брата на руки, чтобы тот мог заглянуть вниз:

— Вот это да, гляди, какие у них пасти!

А у Вэнь-эрню глаз оказался ещё острее: она ткнула пальцем в дальний угол пруда.

— Смотрите, там кошка рыбу ловить хочет!

Юй Шанчжи проследил за её рукой и невольно рассмеялся. На краю сидел котёнок, едва ли старше нескольких месяцев. Размером он был меньше самой рыбы, которую пытался высмотреть.

Семья решила, что первый бросок корма сделает Вэнь-санья - все хотели порадовать младшего.

Как только корм коснулся воды, кои мигом всколыхнули весь пруд: хвосты мелькали, чешуя сверкала, вода брызгала во все стороны. Те, кто не хотел тратиться на корм, тоже останавливались поглазеть - вокруг стоял веселый гомон. Но через четверть часа народ вдруг стал расходиться, и добрая половина толпы потянулась в одну сторону.

Юй Шанчжи остановил одного мужчину и вежливо спросил:

— Брат, не подскажите, куда это все направляются?

Тот оказался человеком терпеливым, улыбнулся и указал на ворота неподалёку:

— Вы, видно, впервые пришли в храм Гуаньинь именно в пятнадцатый день? Сегодня тут раздают постную лапшу. Правда, наестся ею невозможно, каждому дают всего по маленькой

чашке, но это считается доброй приметой.

Юй Шанчжи поблагодарил, вернулся к своим и спросил Вэнь Ецяя:

— Ну что, пойдём тоже взглянем?

Ответ был очевиден: конечно, пойдут! Ведь сегодня они приехали в уезд именно за тем, чтобы почувствовать атмосферу праздника. Они высыпали в пруд остатки корма, и вчетвером отправились попробовать удачу с постной лапшой.

Но когда они подошли ближе, сразу стало ясно - это и вправду их первый раз. Постная лапша тут была строго ограничена: монахи готовили её только дважды в день, и всего по сто порций за раз. Казалось бы, Лянси - городок маленький, а теперь вдруг оказалось, что людей в нём немало: сто чашек разошлись буквально в мгновение.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай немного пожалели, но не слишком расстроились. Ну не поели, так не поели, ярмарка всё равно полна угощений. Уже хотели уйти и просто пройтись, полюбоваться видами, как вдруг сзади раздался голос:

— Благодетель!

Шаги Юй Шанчжи замерли. Он мгновенно догадался, кто это. Молодой господин Цянь сегодня приехал с семьёй поклониться Будде. Одежда на нём была на удивление простая, без обычного блеска и побрякушек, веер в руке тоже иной - бамбуковый, с росписью тушью.

Рядом, как всегда, маячил Цзинь Бао, мальчишка-слуга с прежним усталым, печальным видом.

— Благодетель! — окликнул ещё раз Цянь Юньли, удостоверившись, что не ошибся, и радостно заулыбался, подходя ближе. Сделав жест веером, он учтиво поклонился Вэнь Ецяю.

— Здравствуйте, невестка, — с лёгкой улыбкой сказал Цянь Юньли.

Потом его взгляд скользнул к двум маленьким «редискам» рядом.

Юй Шанчжи поспешил представить:

— Это моя сестрёнка и младший брат.

И тут же обратился к детям:

— Эрню, Санья, это молодой господин Цянь.

Вэнь-эрню и Вэнь-санья переглянулись. В их глазах явственно читалось недоумение: «Молодой господин? Когда это брат Юй и старший брат успели подружиться с каким-то господином из города?»

Но приличия превыше всего. Дети вежливо поклонились и хором сказали:

— Здравствуйте, господин Цянь.

Цянь Юньли пришлась по душе эта воспитанная парочка. У себя дома он был самым младшим, никто им особенно не занимался, поэтому он обожал в компании дружков играть роль «старшего брата». И сейчас поступил точно так же.

Он протянул руку к Цзинь Бао, намекая, чтобы тот достал что-то. На лице Цянь Юньли заиграла озорная улыбка:

— Какой ещё «господин»? Зовите меня просто брат Цянь.

Цзинь Бао проворно вынул из-за пазухи два серебряных слитка. Цянь Юньли взял их и шлёпнул в ладошки Вэнь-эрню и Вэнь-санья:

— Это вам от брата на знакомство. Берите!

Двое малышей сразу же обернулись к Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю, словно спрашивая разрешения. Юй Шанчжи посмотрел на Цянь Юньли, вспомнил о нравах его семьи и после короткой паузы всё-таки сказал:

— Берите. Это искренний знак внимания от господина Цяня.

Дети тут же приняли слитки и дружно поблагодарили. Цянь Юньли был в восторге - больше всего он любил, когда ему говорили «спасибо».

Наконец Юй Шанчжи нашёл момент и спросил:

— Господин Цянь, вы тоже сегодня пришли в храм?

Эта фраза словно распахнула маленькому господину рот - слова полились рекой:

— Я сопровождаю маму и старшую сестру. Они сидят внутри, читают сутры и бьют в деревянную рыбу, у меня от этого уже голова раскалывается! Вот я и сбежал, а тут так удачно встретил благодетеля и невестку!

Глаза его сверкали и прямо говорили: «Наконец-то нашёл себе весёлое общество!»

Перекинувшись ещё парой фраз, он узнал, что Юй Шанчжи и Вэнь Ецай опоздали и не успели на раздачу постной лапши. Тогда Цянь Юньли сразу махнул рукой:

— Да что в ней хорошего, в этой лапше! Бульон пустой, две лапшинки на доньшке. А вот монастырский тофу-цай — другое дело! Настоятель сам готовит, поверьте, куда вкуснее, чем любая вегетарианская стряпня у нас дома. Вы не уходите, поешьте вместе с нами. Моя мать давно хотела снова с вами повидаться. Да и дети с вами, а мама детей обожает!

Так и получилось, что благочестивое паломничество обернулось приглашением на обед. Ни Юй Шанчжи, ни Вэнь Ецай вовсе не собирались навязываться, но Цянь Юньли ловко прикрылся именем матушки, и отказаться стало неловко. Слово за словом, и они и вправду дождались, пока Цянь Юньшу под руку вывела госпожу Цянь.

Раньше Цзинь Бао уже успел предупредить служанок, дежуривших у бокового крыла храма, так что госпожа и её дочь знали, кто их ждёт. Сегодня на шее у госпожи Цянь сверкал нефритовый амулет с Буддой; вся она сияла жемчугами и драгоценностями, но при этом сохраняла достойную, мягкую величавость.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай поспешно подвели к ней малышей, все вместе поклонились. Госпожа Цянь засмеялась и сама подняла их с поклона:

— Ну что вы, праздник всё-таки! Я ведь не столь значительная особа, чтобы передо мной кланяться. Видите, судьба нас свела, разве не чудо? Кто бы мог подумать, что именно здесь встретимся. Я слышала, что Юньли пригласил вас вместе поесть тофу-цай. Хоть раз в жизни сын сделал что-то толковое.

Увидев, что Юй Шанчжи собирается отказаться, она нарочно слегка нахмурилась:

— Что же это? Неужто господин доктор не хочет оказать мне такой чести?

После этих слов у Юй Шанчжи не осталось выбора. Пришлось всей семьёй присоединиться к Цяням и следовать за ними.

В Лянси денежный вес семьи Цянь был всем известен, сомневаться не приходилось, что за этот год они немало пожертвовали храму на благовония и масло. Так случилось, что у семьи Цянь в храме имелся даже свой отдельный дворик - несколько келий, убранных удивительно чисто и со вкусом.

Едва все расселись, госпожа Цянь уже не выпускала из рук Вэнь-эрню и Вэнь-санья:

— Время бежит так быстро... Кажется, ещё недавно Шу-эр и Ли-эр были вот такими крохами, а

теперь уже пора замуж, пора жениться.

Когда-то, ещё перед тем как подарить десять му плодородной земли, госпожа Цянь через людей на фермах расспрашивала про семью Вэнь. Ей было известно, что у этих троих рано умерли родители, а младший сынок родился слабым, с врождённым недугом. И вот теперь она, умилившись, посадила мальчика себе на колени.

Вэнь-санья был не по годам смышлёным. Госпожа Цянь сперва приняла его за обычного ребёнка и стала забавлять, но вскоре заметила, что этот малыш не прост. Она сама не принадлежала к семье ученых, знала лишь немного иероглифов, но стоило Цянь Юньшу задать мальчику несколько вопросов из начальной учёбы, из стихов и поучений, как он отвечал без запинки.

Госпожа Цянь удивлялась и не скупилась на похвалу:

— Ах ты мой хороший, да у тебя же настоящий талант к наукам!

Сказав это, госпожа Цянь тут же перевела взгляд на Цянь Юньли, лицо её выражало сплошное разочарование:

— Вот посмотри на этого мальчика, а ты? Пустая подушка, набитая соломой, да ещё и вышитая! Даже в печку бросить никто не возьмёт!

Цянь Юньли оказался под перекрёстным огнём без всякой вины, и только спрятался за чашкой чая. Он терпеть не мог ездить в храм Гуаньинь: монахи скупы, ни тебе угощения, ни сладостей, а всё потому, что почти все вкусные закуски готовятся на свином сале. Вот и оставалось ему хлебать чай, как телёнок воду.

Оставив «нерадивого сына» в покое, госпожа Цянь вынула из волос жемчужную шпильку, а затем из расшитого кошелька достала изящную золотую фигурку в виде карпа.

Шпильку она вручила Вэнь-эрню, а золотого карлика - Вэнь-санья.

— Не думала сегодня встретить таких деток, ничего специально не приготовила... Вот, примите хотя бы эти маленькие безделушки, пусть будут вам игрушкой.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай принялись хором отказываться: «нельзя», «как мы можем принять». Но сколько ни уговаривали, всё было бесполезно: госпожа Цянь явно решила во что бы то ни стало завязать добрые отношения с их семьёй. Мало того, она ещё нарочно расспросила про учёбу Вэнь-санья.

В сердце Юй Шанчжи возникло смутное предчувствие. Он не стал юлить и прямо сказал:

— Младший брат с детства болел, поэтому лишь несколько месяцев ходил в деревенскую школу. Но теперь здоровье его куда крепче. Мы с А-Е собирались будущей весной снова отдать его в учёбу.

Госпожа Цянь пригубила чай и как бы невзначай заметила:

— Опять собираетесь отдавать его в вашу деревенскую школу?

У Юй Шанчжи чуть дрогнули брови, он сразу понял скрытый намёк. Госпожа Цянь продолжила, не давая собеседникам опомниться:

— А слышали ли вы об Академии Циньцинъ в уезде?

На этот раз удивились не только Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем, даже Вэнь-санья резко поднял голову.

Госпожа Цянь с любопытством вскинула брови:

— Уж неужели и ты, малыш, о ней знаешь?

— Санья знает, — ответил он серьёзно. — Раньше брат Юй купил мне книгу, написанную учителем из Академии Циньцинъ. Я читал её.

Юй Шанчжи подхватил тему:

— Конечно, мы слышали о доброй славе Академии Циньцинъ. Даже думали: если бы Санья удалось туда попасть, было бы наилучшим исходом. Только вот...

Он замолчал. Досказывать не требовалось, и так всем ясно: у них нет нужных связей.

Цянь Юньшу оказалась куда сообразительнее младшего брата. Поймав взгляд матери, она тут же поняла намёк и с мягкой улыбкой сказала:

— Вот совпадение. У нас в доме есть старый учитель, некогда он преподавал именно в Академии Циньцинъ. И я, и Юньли когда-то учились у него. Теперь старик оставил службу и в своё удовольствие возится с внуками, а заодно открыл маленький частный класс и набирает несколько учеников. Санья так смыслён, что если он позанимается у этого старого учителя и тот проникнется к нему симпатией, тогда поступление в Академии Циньцинъ будет уже делом одной рекомендательной записки.

К этому моменту Юй Шанчжи окончательно убедился, что он не ошибся в намерениях госпожи

Цянь. Господин Цянь хоть и выкупил себе чин, но в сущности оставался торговцем. Из двоих детей в доме Цянь Юньшу - умная, учёная, благовоспитанная, но, увы, девушка, а значит, путь к экзаменам ей заказан; Цянь Юньли же, как ни крути, безнадежен, заставь его хоть до седых волос корпеть над науками, толку не будет.

Когда у купеческих семей на своих наследников надежды мало, оставался иной путь - поддерживать чужих одарённых юношей, словно делать на них ставку. Если кто-то из таких протеже поднимется по ступеням экзаменов, станет сюцаем, цзюйжэнем, а то и войдёт в правительство, тогда прежние расходы на помощь покажутся сущей мелочью по сравнению с выгодой.

А самая ощутимая польза - возможность записывать торговые лавки и земли на имя учёного человека и тем самым избавляться от торгового налога и части поземельного. В этой династии, как и во многих, о которых знал Юй Шанчжи, царица политика «почитать земледелие, притеснять торговлю»; купцы зарабатывали больше всех, но налоги с них взимали самые тяжёлые.

Госпожа Цянь, уловив выражение на лице Юй Шанчжи, поняла: её замысел снова прочитан. А вот молодой гер на другой стороне стола сидел всё так же в полном недоумении. Эти хитросплетения не могли быть ясны деревенскому человеку сразу. И потому госпожа Цянь лишь сильнее утвердилась в мысли: происхождение Юй Шанчжи совсем не простое.

- Наши семьи связаны судьбой, - мягко подвела итог госпожа Цянь. - Как я, старшая, могла бы позволить такому одарённому ребёнку, как Санья, пропадать в деревенской школе? В деревне учат всё те же старые туншэны, которые всю жизнь не смогли сдать экзамен на сюцай. Чему они могут научить? А вот Академия Циньцин - совсем другое дело. Каждый раз, как уезде выбирают лучших, половина непременно из неё.

С умными людьми не нужно много слов, достаточно намёка. Поэтому, обрисовав главное, она спокойно завершила:

- Вы ещё молоды, может, и не думаете так далеко вперёд. А я, человек с опытом, даю вам совет: как только Санья окончательно поправится, приходите ко мне, и мы устроим его учёбу. Тогда все останутся довольны, не правда ли?

Сказав это, госпожа Цянь дала понять, что разговор окончен. Даже Вэнь Ецай, обычно прямой и неповоротливый в таких делах, начал понемногу понимать суть.

Оба супруга встали и поблагодарили её. Госпожа Цянь, с лёгкой улыбкой, тут же разрядила возникшее напряжение парой слов. Вскоре в храме появился монах с сообщением, что постное угощение готово. Две семьи расселись вместе. Попробовав «тофу-цай», все невольно признали - вкус и впрямь хорош.

Чуть подкрепившись, семья Цянь поднялась, им пора было возвращаться домой. В этот праздничный день в большом доме Цянь хлопот было немало. Лишь благодаря тому, что

госпожа Цянь была глубоко верующей, она выкроила утро, чтобы возжечь благовония и отведать постного угощения.

На прощание Цянь Юньли буквально вцепился в Юй Шанчжи, требуя рассказать, где именно они живут. Уж очень ему хотелось наведаться в деревню, на деле же просто искал предлог вырваться из дома и повеселиться. Скрывать тут было нечего, и Юй Шанчжи спокойно объяснил. Конечно, молодой господин слушал вполуха, а вот верный Цзинь Бао тщательно всё запомнил.

Когда две семьи окончательно разошлись, семья Вэнь вышла из храма Гуаньинь.

Вэнь Ецай шумно выдохнул, плечи его заметно обмякли:

— Каждый раз, когда имеем дело с семейством Цянь, я словно всё время хожу по канату. Боюсь не так слово сказать и выставить себя дураком.

Он взглянул на Юй Шанчжи, тот, как всегда, держался уверенно и спокойно.

— Хорошо, что ты рядом, — добавил Вэнь Ецай с облегчением.

Но если подумать, без Юй Шанчжи он бы и вовсе никогда не пересёкся с людьми из дома Цянь.

А маленькие Вэнь-эрню и Вэнь-санья до сих пор никак не могли прийти в себя. Особенно от подарков, полученных сегодня: «первое знакомство» обошлось бы в деревенском доме в запас еды на целые годы!

Снаружи толпа, чужие уши повсюду. Поэтому Юй Шанчжи и Вэнь Ецай объяснили детям лишь в общих чертах: та самая старая госпожа, с которой они сегодня встретились, и есть та, что подарила их семье землю.

Вэнь-эрню сложила ладошки и торжественно пробормотала:

— Эта госпожа точно сама богиня Гуаньинь!

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай не удержались от смеха.

Подарки, что малыши получили, взрослые тут же забрали на хранение, чтобы в толчее храмовой ярмарки никто ненароком не стащил. А ведь изначально планировали: поставят благовония, выйдут и сразу отправятся по рядам пробовать угощения. Но теперь, с постной трапезой в желудках, о еде речи не шло. К счастью, зрелищ на ярмарке хватало. Не успели пройти и пару шагов, как наткнулись на старика, лепившего фигурки из цветного теста. Вэнь-

эрню и Вэнь-санья мигом втиснулись в толпу, замороженно наблюдая, как под его ловкими пальцами рождаются Чаньэ с белым кроликом и пастух с девушкой-ткачихой. Двое взрослых в это время следили за детьми со стороны, оставив вокруг себя немного свободного места.

И тут Вэнь Ецай не выдержал, наклонился к Юй Шанчжи и шёпотом спросил:

— Что это всё значит? Почему госпожа Цянь вдруг так заинтересовалась учёбой Санья? Я сразу понял, тут дело непростое, но вот не разберу, хорошо это или плохо.

Юй Шанчжи склонился к его уху и коротко объяснил, чего добивается семья Цянь. Вэнь Ецай выслушал, молча сглотнул.

— ...Ну и мысли у этой госпожи Цянь. Я-то и не рассчитывал, что Санья когда-нибудь добьётся чиновничьего звания. Всегда думал только о том, чтобы он мог учиться, раз ему это по душе.

Юй Шанчжи улыбнулся:

— Ты хороший брат, поэтому смотришь на дело без всякой выгоды. Но остальные думают иначе. Честно скажу, когда я только попал в ваш дом и заметил, какой Санья смыслённый, у меня тоже мелькнула мысль: если он продолжит учиться, то, скорее всего, добьётся высот и сможет изменить судьбу семьи.

Для Вэнь Ецай экзамены кэцзюй оставались чем-то далёким. Его единственное представление об этом - неудачи того самого Тан Вэня, который раз за разом проваливал экзамены.

— Санья и правда настолько талантлив?

Когда Юй Шанчжи снова уверенно кивнул, Вэнь Ецай призадумался и наконец осознал:

— Значит, ты дал мне знак согласиться на предложение госпожи Цянь потому, что учёба в Академии Циньцин и вправду редкая удача, так?

— Верно, — подтвердил Юй Шанчжи. — Академия Циньцин считается одной из лучших не только в уезде Шоуань, но и во всей округе.

Даже если ребёнок от природы гениален, для успеха в кэцзюй самостоятельной подготовки недостаточно. В хорошей академии учат не просто знающие, но и умеющие преподавать учителя. Там же можно услышать свежие слухи о том, какие темы попадают на экзаменах, а в деревенской школе всего этого попросту нет.

Вэнь Ецай наконец понял суть дела:

— Значит, по-твоему, такой шанс глупо упускать. Цянь хотят подтолкнуть Санья ради собственной выгоды в будущем, а мы от этого ничего не теряем.

— Верно, — кивнул Юй Шанчжи. — К тому же Санья наверняка не единственный, кого они поддерживают.

Вэнь Ецай сообразил: семья Цянь закидывает сеть широко, а Санья лишь одна из рыб с хорошими задатками. Всё это похоже на пруд с карпами, они только ждут, какой из них перепрыгнет через Драконьи врата.

Разобравшись в ситуации, они больше не возвращались к этой теме, чтобы не портить праздничное настроение. Они подошли к малышам, чтобы вместе посмотреть, как мастер лепит фигурки из теста. Юй Шанчжи открыл кошелек и спросил:

— Какие фигурки хотите? Выбирайте по одной.

Вокруг мастера толпились дети, но большинство лишь смотрели. Не каждый родитель соглашался тратить деньги. Фигурки из теста были и вправду изящные, а потому недешёвые. Услышав, что чужие взрослые охотно заплатили, остальные ребята дружно вздохнули с завистью.

В итоге Вэнь-эрню выбрала кролика, а Вэнь-санья — кругленького карпа. Старик-умелец получил деньги и сразу принялся за работу. Лепить зверушек куда быстрее, чем людей: пару движений и фигурки готовы. Это была первая за день столь быстрая сделка, поэтому мастер сам улыбался, передавая изделия детям.

— Вот, держите, — сказал он. — Этот называется «Счастливый кролик приносит удачу», а этот — «Карп перепрыгивает Драконьи врата».

От таких благопожеланий каждый счёл бы трату оправданной.

— Поставьте их дома в тень, подсохнут и смогут радовать глаз ещё долго, не испортятся.

Эрню и Санья радостно подняли свои фигурки, показали Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю, а затем под завистливыми взглядами других ребят выбрались из толпы.

Обычно улица казалась просторной, но сегодня лишь людские головы туда-сюда снуют. С трудом пробившись к перекрёстку, семья наконец смогла перевести дух. Юй Шанчжи заметил по диагонали через улицу лавочку с книгами и картинами, над которой ещё и висело несколько фонариков. Он повёл родных туда и наугад снял один фонарик-кролика. Каркас был из бамбука, а сверху натянута бумага с рисунком.

Вэнь Ецай явно заинтересовался, и Юй Шанчжи, уловив это, сразу передал фонарик супругу, а

сам принялся рассматривать книги и картины на прилавке. Хозяин, молодой учёный лет двадцати с небольшим, в длинной мантии, выцветшей от частых стирок, напомнил Юй Шанчжи Кон И.

— Господин, — вежливо обратился тот, — всё на прилавке написано и нарисовано моей рукой. Если ничего не приглянется, могу прямо при вас написать или нарисовать, что пожелаете.

Торговля у него шла туго. Юй Шанчжи заметил сбоку приготовленные кисти, тушь, бумагу, а также несколько чистых веерных заготовок и два пустых листа.

Он пролистал работы молодого ученого - пейзажи, цветы и птицы, несколько человеческих фигур. Уровень был не слишком высокий, но вполне добротный. В этот момент Вэнь Ецай подошёл с фонариком-кроликом и спросил цену. Учёный назвал тридцать вэней. Вэнь Ецай посчитал, что дороговато, и по привычке спросил, не уступит ли тот за двадцать.

Тот явно не был торговцем, никаких красивых речей не говорил, только покачал головой:

— Двадцать слишком мало. Бумага, тушь - всё стоит денег, да ещё работа... Самое меньшее двадцать пять.

Вэнь Ецай ведь спорил скорее по привычке, а не всерьёз, и не ожидал, что парень сразу выложит нижнюю цену. Он знал, сколько обычно стоят фонарики на праздник, а этот был сделан довольно изящно. Да и только потому, что в этом году дела у семьи пошли в гору, он решился потратить лишние деньги на такую прихоть.

Рассчитавшись, он заметил, что Юй Шанчжи всё ещё рассматривает картины и каллиграфию и подумал: верно, хочет что-то купить, чтобы дома повесить. Сам Вэнь Ецай к такому изяществу тянулся мало, но если мужу это по душе, почему бы и нет.

А вот Юй Шанчжи вовсе не собирался покупать готовое. Немного подумав, он спросил:

— Если я сяду прямо сейчас и закажу у вас рисунок, справитесь?

Учёный удивился такому заказу, но, потёр ладони и твёрдо кивнул:

— Справлюсь!

— А детей рисовать умеете?

— Умею всех, — ответил тот без колебаний.

Юй Шанчжи тогда подозвал к себе троих из семьи Вэнь.

— Тогда прошу, напишите нам портрет прямо здесь.

Молодой ученый переводил взгляд с одного на другого, никак не понимая замысла.

— Простите... но что именно вы хотите, чтобы я изобразил?

<http://bllate.org/book/13600/1205979>